ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ И НАРОДНОМЪ РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ. ЧАСТЬ I. С. БУЛИЧА. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1893 Г.

(Отзывъ въ Историко-филологическій факультетъ).

Трудъ г. Булича открывается довольно обширнымъ *введеніемъ* (стр. 1—56), по содержанію относящимся къ общему языкознанію и трактующимъ о процессѣ заимствованія въ языкахъ. Авторъ принимаетъ терминъ „заимствованіе“ въ широкомъ смыслѣ. Онъ указываетъ на то, что „уже въ основаніи всей нашей языковой дѣятельности лежитъ процессъ заимствованія“ (стр. 6). Вмѣстѣ съ Шухартомъ онъ придаетъ — и, по моему мнѣнію, вполнѣ справедливо — принципіальную важность этому вопросу въ наукѣ о языкѣ (ib.). Авторъ не является сторонникомъ воззрѣній Макса Мюллера, отчасти отрицающаго существованіе смѣшанныхъ языковъ, а находитъ, что Шухартъ имѣетъ неизмѣримо большее основаніе утверждать, что нѣтъ ни одного языка, который не былъ бы „смѣшаннымъ“ (стр. 4—5).

Въ заимствованіи авторъ различаетъ два главныхъ случая: 1) заимствованіе „однопочвенное“ (въ этнографическомъ и хронологическомъ смыслѣ) или „одноязычное“ и 2) „разнопочвенное“ или „иноязычное“. Послѣднему случаю онъ приписываетъ особенную лингвистическую важность, такъ какъ тутъ въ результатѣ получается „большее или меньшее усвоеніе чуждаго языковаго матеріала, представляющаго извѣстныя отличія отъ природнаго. Усвоеніе это можетъ заходить такъ далеко, что въ концѣ-концовъ чуждый языковой матеріалъ

вытѣсняетъ совершенно природный и заступаетъ его мѣсто. Въ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ ассимиляціей въ языковомъ отношеніи одного народа другому. Остатки прежняго, природнаго языка могутъ сохраниться въ видѣ областныхъ словъ или провинціализмовъ. Таковы, напримѣръ, областныя слова финскаго и тюркскаго происхожденія въ русскихъ мѣстностяхъ, нѣкогда заселенныхъ финскими или тюркскими племенами" (стр. 7—8). Въ деталяхъ при классификаціи заимствованій авторъ слѣдуетъ Paul'у. Какъ особый случай заимствованія отмѣчается тотъ, когда „въ соприкосновеніе приходятъ не два разныхъ языка, а двѣ разныхъ стадіи развитія одного и того же языка. Заимствованіе происходитъ здѣсь въ предѣлахъ одной и той же языковой единицы, но заимствуемые элементы принадлежатъ болѣе древнему состоянію даннаго языка и потому представляютъ извѣстныя отличія. Само собою разумѣется, что подобное заимствованіе можетъ имѣть мѣсто только въ языкахъ уже обладающихъ письменностью, и происходитъ при посредствѣ этой послѣдней, т. е. носитъ характеръ исключительно книжный". Вообще, заимствованіе можетъ быть двоякое: изустное и книжное. Заимствованіе изустное восходитъ къ самымъ отдаленнымъ историческимъ (безъ сомнѣнія и доисторическимъ) временамъ, заимствованіе же книжное, совершающееся при посредствѣ письменности, естественно можетъ имѣть мѣсто только въ эпохи уже болѣе къ намъ близкія. Авторъ обращаетъ при этомъ вниманіе на извѣстную постепенность книжныхъ заимствованій въ зависимости отъ культурныхъ условій. Заимствованіе книжное является „прежде всего въ языкѣ книжномъ, письменномъ, и живое употребленіе (въ устной рѣчи) заимствованные элементы получаютъ только у общественныхъ классовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ письменности, т. е. въ классахъ грамотномъ, образованномъ и ученомъ, говорящихъ языкомъ книжнымъ или очень близкимъ къ книжному. Отъ этихъ классовъ заимствованные элементы уже переходятъ къ другимъ, вовсе не имѣющимъ отношенія къ письменности или имѣющимъ его въ гораздо меньшей степени" (стр. 8—9).

„Критерія, по которому мы заключаемъ о принадлежности извѣстнаго слова данному языку и о его иноязычномъ происхожденіи, мы должны искать въ его фонетическихъ, морфологическихъ и даже семазіологическихъ особенностяхъ" (стр. 25—26). Это замѣчаніе вытекаетъ изъ ряда фактовъ. Напр., слова *страна*, *освѣщать*—заимствованныя, и это доказываетъ ихъ фонетическій видъ (стр. 26). Что слова въ нѣмецкомъ языкѣ на -*age* основаны на заимствованіи изъ французкаго, доказываетъ суффиксъ; значитъ—признакъ морфологическій (стр. 46). Примѣромъ примѣненія семазіологическаго критерія, между прочимъ, могутъ служить такія параллели, какъ *голова* || *глава* или *acheter* || *accepter* и пр. (стр. 27—28).

Далѣе авторъ переходитъ къ спорадическимъ звуковымъ измѣненіямъ и случаямъ народной этимологіи, для дѣйствія которой заимствованныя слова, благодаря своей изолированности, представляютъ широкое поле (стр. 30—37). Отсюда естественный переходъ къ дѣленію заимствованныхъ словъ на усвоенныя („Lehnwörter") и чужія или иностранныя („Fremdwörter"); при этомъ авторъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторую неопредѣленность критерія для распредѣленія заимствованныхъ словъ по указанныхъ двумъ рубрикамъ (стр. 40—45). Какъ въ данномъ случаѣ, такъ болѣе или менѣе вездѣ общія замѣчанія автора о заимствованіи подкрѣплены въ изобиліи примѣрами изъ разныхъ языковъ, древнихъ и новыхъ, съ надлежащими ссылками на ученыя изслѣдованія. Вообще, изложенное мною вкратцѣ введеніе свидѣтельствуетъ о широкомъ знакомствѣ автора съ литературою вопроса. Чтобы покончить съ этимъ отдѣломъ книги, приведу еще одно замѣчаніе автора. „Въ особенно счастливыя условія—говоритъ онъ—поставлены языки, имѣющіе возможность заимствованія изъ близко родственныхъ языковъ, какъ напримѣръ, русскій рядомъ съ церковнославянскимъ, романскіе языки рядомъ съ латинскимъ, новогреческій рядомъ со старогреческимъ и т. д. Заимствованныя изъ такихъ родственныхъ языковъ слова, благодаря близости родства между языками заимствующимъ и дающимъ, прекрасно укладываются въ систему принявшаго ихъ языка и, не противорѣча сильно его фонетическимъ и морфологическимъ особенностямъ, но въ то же время представляя нѣкоторыя отличія, даютъ языку богатый матеріалъ для семазіологическаго развитія" (стр. 49). Такимъ образомъ авторъ видитъ въ церковнославянскомъ вліяніи на русскій языкъ не исключительное явленіе, но одно изъ цѣлаго ряда явленій аналогичныхъ въ области индоевропейскихъ языковъ.

Слѣдующая за введеніемъ *глава первая* (стр. 57—129) посвящена обзору литературы по вопросу о вліяніи церковнославянскаго языка на русскій. Начинающійся грамматиками конца XVI в. обзоръ сдѣланъ съ большою полнотой. Авторъ приводитъ и самыя мнѣнія ученыхъ, большею частію разбросанныя passim въ ихъ грамматическихъ трудахъ, часто ставшихъ уже рѣдкостью; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ также общую характеристику воззрѣній и старается указать то положеніе, какое занимаютъ отдѣльные изслѣдователи въ ходѣ разработки вопроса. Такимъ образомъ передъ читателемъ раскрывается та постепенность, съ какою подмѣчались новыя черты, затрогивались новыя стороны предмета. Въ общемъ, сужденія автора мнѣ представляются правильными; но я никакъ не могу согласиться съ его заключительнымъ итогомъ. Въ виду неполноты и разбросанности замѣчаній по разсматриваемому вопросу у своихъ предшественниковъ, авторъ нашелъ возможнымъ высказать: „строго говоря, почти все указанное въ этомъ обзорѣ, могло даже остаться безъ вниманія“. Нѣтъ, исторія едва ли не каждаго научнаго вопроса представляетъ сначала отрывочныя и неполныя наблюденія, которыя постепенно разростаются и исправляются, и наконецъ становится возможнымъ дать болѣе или менѣе полную монографію вопроса, но именно благодаря тому, что предшественники постепенно подготовили для этого почву. Я скорѣе склоненъ видѣть въ приведенномъ выраженіи случайно проскользнувшій недосмотръ автора, тѣмъ болѣе что въ предшествующемъ онъ съ полнымъ вниманіемъ слѣдитъ за каждою новою чертою, какъ бы привѣтствуетъ каждый новый шагъ въ развитіи ученія.

Глава вторая (стр. 130—406) разсматриваемаго труда является центромъ тяжести изслѣдованія. Она посвящена фонетическому и морфологическому анализу церковнославянскаго языка печатныхъ книгъ. Изслѣдованіе сдѣлано на основаніи трехъ памятниковъ: Острожской библіи (1581 г.), Первопечатной московской (1663 г.) и Новой, представляющей перепечатку Елизаветинской исправленной библіи. Авторъ такимъ образомъ обращается во второй главѣ къ изученію свойствъ того языка, вліяніе котораго на языкъ русскій составитъ предметъ дальнѣйшихъ его разысканій. Церковнославянское вліяніе на русскій языкъ началось съ появленія

письменности на Руси; если же авторъ не далъ въ настоящемъ сочиненіи историческаго очерка судебъ старославянскаго языка на Руси съ его перваго въ ней появленія до начала книгопечатанія, равно какъ и особенностей старославянскихъ памятниковъ русской рецензіи, то потому, что считалъ эти вопросы сравнительно изслѣдованными, между тѣмъ какъ по церковнославянскому языку печатныхъ книгъ совершенно отсутствуютъ научныя разысканія. Вліяніе церковнославянское въ древнее время не могло имѣть той широты, какую оно естественно получило съ введеніемъ книгопечатанія; оно можетъ наблюдаться и въ настоящее время, когда церковнославянскія книги становятся доступными народной массѣ. Такіе памятники, какъ библія Скорины, которая на 60 слишкомъ лѣтъ старше Острожской, указываютъ на то, что церковнославянскій языкъ рукописныхъ книгъ получилъ значительныя діалектологическія уклоненія; съ началомъ же печатныхъ изданій среди такихъ діалектологическихъ типовъ одерживаетъ верхъ типъ московскій или великорусско-церковнославянскій, и церковнославянское вліяніе на русскій языкъ вступаетъ такимъ образомъ въ свою новую фазу, продолжающуюся до нашихъ дней. Авторъ не считаетъ натяжкой предположить, что и наибольшая доля вліянія на живой великорусскій языкъ должна принадлежать именно этому книжному великорусско-церковнославянскому языку (стр. 400—401). Важность его изученія и въ то же время отсутствіе научнаго обслѣдованія его заставили автора заняться подробнымъ изученіемъ церковнословянскаго языка печатныхъ книгъ и прослѣдить постепенныя его видоизмѣненія на трехъ вышеуказанныхъ библіяхъ, представляющихъ какъ бы три послѣдовательныя стадіи на пути отъ средняго церковнославянскаго языка къ новому.

Обзоръ печатнаго церковнославянскаго языка распадается на отдѣлы фонетическій (стр. 131—156) и морфологическій (стр. 156—399); этотъ послѣдній отдѣлъ расположенъ по сравнительно-грамматической схемѣ, ближайшимъ образомъ подходящей къ той, какая принята A. Leskien'омъ въ его Handbuch der altbulgar. Sprache. Каждую форму слѣдитъ авторъ по упомянутымъ тремъ изданіямъ библіи, съ точнымъ обозначеніемъ мѣста, гдѣ она встрѣчается. Вообще, обзоръ формъ церковнославянскихъ производитъ на читателя пріят-

ное впечатлѣніе полноты; масса собранныхъ тутъ примѣровъ, не содержащая однакожъ лишняго балласта, указываетъ на умѣнье автора подмѣтить дѣйствительно интересные случаи. Этотъ матеріалъ дастъ возможность и другимъ ученымъ получить выводы по разнымъ другимъ вопросамъ, напр. по исторіи русскаго ударенія и т. п. До труда г. Булича печатный церковнославянскій языкъ въ его строеніи былъ извѣстенъ лишь по парадигмамъ, приводимымъ въ нѣкоторыхъ учебникахъ славянскаго языка. При этомъ дѣйствительное существованіе формъ не подтверждалось доказательствами, равно какъ оставалось не извѣстнымъ, на сколько послѣдовательно проведена та или другая форма въ языкѣ библіи.

Теперь, послѣ изслѣдованія нашего автора, мы имѣемъ не общее или теоретическое, но совершенно реальное представленіе этого языка. Изъ ислѣдованія оказывается, что формы новаго церковнославянскаго языка представляютъ большія колебанія; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно остановить свое вниманіе на любой страницѣ обзора. Возьмемъ напр. окончанія Предл. множ. основъ на *-es-* (стр. 181—182) и для простоты ограничимся сначала формами Новой библіи, оставивъ въ сторонѣ формы библій Острожской и Первопечатной. Мы имѣмъ:

-ес-ѣхъ: словесѣхъ (Л. IV. 22)
древесѣхъ (I. Нав. гл. X. 26)
оушесѣхъ (Быт. XXXV. 4)
чꙋдесѣхъ (2 Коринѳ. XII. 12)

-ес-áхъ: оушесáхъ (2. Цств. XVIII. 12)
'-ѣхъ: дрéвѣхъ (Суд. VI. 26)
'-áхъ: древáхъ (3 Цств. V. 8)
дрéвахъ (I. Нав. X. 26).

Уже изъ приведеннаго легко усмотрѣть, какую видную роль играетъ факторъ аналогіи въ возникновеніи подобныхъ разновидностей. Поэтому мы вправѣ ожидать отъ автора разъясненія вторичныхъ формъ съ точки зрѣнія этого фактора. И дѣйствительно, въ разсматриваемомъ сочиненіи мы встрѣчаемъ непрерывный рядъ объясненій посредствомъ аналогіи. Останемся при взятомъ уже нами примѣрѣ. Какъ и въ дру-

гихъ случаяхъ, авторъ начинаетъ разсмотрѣніе съ правильнаго окончанія (-ехъ). „Правильное окончаніе этого падежа— замѣчаетъ онъ—отвѣчающее старославянскому -ьхъ (тѣлесьхъ), встрѣчается только въ Острожской библіи: словесехъ (1. Маккав. IX. 37. Л. IV. 22)“. Однакожъ и въ ней рядомъ является окончаніе -ѣхъ, въ которомъ (такъ же какъ въ таковомъ же окончаніи Первопечатной и Новой библіи) авторъ видитъ графическую ассимиляцію къ основамъ м. и ср. р. на о-. Что въ этомъ случаѣ аналогія именно графическая, авторъ опирается на то, что „звуковое значеніе окончаній -ехъ и -ѣхъ, конечно совершенно уже одинаково въ печатномъ церковнославянскомъ“. „Рядомъ съ этими формами находимъ образованія по типу основъ ж. р. на ā- отъ основы косвенныхъ падежей: ѻ̓ушесáхъ (въ Остр. и Первоп. другой текстъ); сверхъ того имѣются образованія отъ основы им. пад. ед. ч. по типу основъ ср. р. на о-: дрéкѣхъ (такъ уже въ Остр. и Первоп.), а также по типу основъ ж. р. на ā-: древáхъ (Остр. другой текстъ) и дрéвахъ (Остр. другой текстъ).“ Авторъ не ограничивается приведеніемъ и объясненіемъ примѣровъ изъ библій, но присоединяетъ еще формы, указываемыя извѣстными грамматиками конца XVI и начала XVII в. — Л. Зизаніемъ и М. Смотрицкимъ. У Зизанія показана двоякая форма: нбсѣхъ и нбсáхъ, у Смотрицкаго же, бóльшаго пуриста, только словесѣхъ.

Изъ другихъ мѣстъ книги г. Булича видно, что М. Смотрицкій для полноты своихъ парадигмъ нерѣдко сочинялъ формы, приспособляясь къ свойствамъ церковнославянскаго языка. Напр., для словъ м. и ж. рода, оканчивающихся въ И. ед. на -ь, у Смотрицкаго Д. дв. указывается на -ема, а Тв. дв. на -ьма, между тѣмъ какъ въ ст.-сл. эти два падежа не различаются одинъ отъ другаго. „Эта дифференціація— замѣчаетъ авторъ—разумѣется, ни на чемъ реальномъ не основана и принадлежитъ къ числу вообще очень частыхъ у Смотрицкаго педантичныхъ и произвольныхъ измышленій“ (стр. 164). Въ виду цѣлаго ряда искусственныхъ формъ въ грамматикѣ Смотрицкаго, чуждыхъ языку библіи, а также въ виду существованія многочисленныхъ варіантовъ формъ, встрѣчаемыхъ въ библіи и отсутствующихъ у Смотрицкаго, и наконецъ въ виду значительныхъ перемѣнъ, которымъ под-

верглась самая грамматика Смотрицкаго во второмъ изданіи, авторъ не можетъ вполнѣ согласиться съ тѣми учеными, которые, начиная съ покойнаго Григоровича, приписываютъ граматикѣ Смотрицкаго особенно сильное, почти исключительное вліяніе на окончательное образованіе церковнославянскаго языка новаго періода. „Намъ кажется, говоритъ г. Буличъ, что грамматика Смотрицкаго была часто довольно независима отъ современныхъ ему образцовъ языка, представляя нерѣдко чисто субъективные взгляды и желанія самого автора, и, въ свою очередь, языковое чутье справщиковъ и другихъ знатоковъ церковнославянскаго, выработывавшихъ его не на одной грамматикѣ Смотрицкаго, но и на чтеніи разнаго рода текстовъ, довольно успѣшно боролось съ навязываемыми ему чуждыми или субъективными формами и правилами“ (стр. 403). „Если говорить о вліяніи грамматики Смотрицкаго на позднѣйшій церковнославянскій, то только разумѣя ея московское изданіе, въ которое внесено много особенностей великорусскаго церковнославянскаго, развившихся въ немъ подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ живого языка и независимо отъ какой бы то ни было грамматической теоріи. Однако и парадигмы московскаго изданія далеко не всегда согласуются съ формами, добытыми изъ самаго текста. Отсюда намъ кажется, что, не отрицая вообще возможности вліянія грамматики Смотрицкаго (особенно московскаго изданія) на новый церковнославянскій, слѣдуетъ, однако, говорить объ этомъ въ менѣе категоричномъ тонѣ, чѣмъ это обыкновенно дѣлалось и дѣлается“ (стр. 405—406).

Что касается соотношенія по языку названныхъ выше трехъ библій, то изъ изслѣдованія г. Булича видно, что библія Острожская представляетъ не мало архаизмовъ; въ ней встрѣчаемъ даже такія написанія, какъ въз̑вѣстите, въстоцѣ... (стр. 139), влъны, влъцы... (141) и т. п. Первопечатная библія занимаетъ среднее положеніе между Острожской и Новой, причемъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ она ближе къ Новой, хотя можно указать также случаи большей близости къ Острожской. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить склоненіе указательнаго мѣстоимѣнія ѿный, падежныя формы котораго во множествѣ примѣровъ представлены на стр. 258—264; по наблюденіямъ автора, въ Остр. и Первоп. преобладаютъ про-

стыя формы, въ Новой—сложныя. Вотъ его слова: „Въ огромномъ большинствѣ случаевъ сложныя формы принадлежатъ позднѣйшему времени; въ текстахъ Остр. и Первоп. библій на ихъ мѣстѣ находятся простыя формы этой же или другихъ мѣстоименныхъ основъ, если текстъ тожественъ; очень часто сложныя формы въ Новой библіи имѣются въ такихъ мѣстахъ, чтеніе которыхъ сильно разнится отъ стараго текста, такъ что онѣ очевидно внесены при исправленіи. Въ Новой библіи замѣчается даже стремленіе къ замѣнѣ простыхъ формъ сложными“. Авторъ прибавляетъ еще слѣдующее интересное замѣчаніе: „простыя формы большею частію встрѣчаются въ готовыхъ формулахъ (сочетаніяхъ), сложившихся давно и очень устойчивыхъ, въ родѣ во врéмѧ ѿно, (во, по) днéхъ ѿнѣхъ и т. д.“ (стр. 264).

Такъ какъ въ мою задачу не входитъ изложеніе всѣхъ данныхъ, какія содержатся въ обзорѣ церковнославянскаго языка г. Булича, то я ограничусь указаніемъ еще лишь одного примѣра изъ спряженія. Разсматривая первичныя окончанія 1 л. множ. ч., авторъ говоритъ: „На мѣстѣ старославянскаго окончанія -мъ, свойственнаго первично всѣмъ глаголамъ, въ церковнославянскомъ находимъ два окончанія: -мы у глаголовъ „архаическихъ“ и -мъ у всѣхъ прочихъ. Первое изъ нихъ встрѣчается и въ старославянскомъ (-мы) рядомъ съ болѣе распространеннымъ -мъ, но не у одного только класса глаголовъ на -mi, а также и у прочихъ глаголовъ“ (стр. 312). Авторъ иллюстрируетъ свои замѣчанія примѣрами, послѣ чего обращается къ старымъ русскимъ грамматикамъ церковнославянскаго языка. „У М. Смотрицкаго, говоритъ онъ, также находимъ строгое разграниченіе этихъ двухъ окончаній: є҆смы, вѣ́мы, ꙗ҆мы и т. д., но чита́емъ и т. д. У Л. Зизанія є҆смо, ы, гласимо, біемо, ꙗвимъ, ꙗвлаемъ, въстава́емъ, въставáймо и т. д. Окончаніе -мо вызвано вліяніемъ малорусскаго; въ Новой библіи оно совсѣмъ не встрѣчается“. Отмѣтивши вліяніе малорусскаго языка у Зизанія, авторъ переходитъ затѣмъ къ разъясненію причинъ указанной выше дифференціаціи окончаній—мы и мъ. Онъ говоритъ: „Причина, по которой произошла въ церковнославянскомъ такая строгая дифференціація двухъ окончаній, первично употреблявшихся болѣе или менѣе безразлично, заключается въ тожественности

1 л. ед. и 1 л. множ. у глаголовъ на -mi, которая несомнѣнно должна была получиться въ церковнославянскомъ: 1 л. ед вѣмъ, но 1 л. множ. вѣмы вмѣсто ожидаемаго *вѣмъ. Такого совпаденія у глаголовъ съ основой на гласный не было и не могло быть: 1 л. ед. трѣбꙋю, но 1 л. мн. трѣбꙋемъ, почему и не имѣлось никакого повода къ дифференціаціи" (стр. 313).

Уже изъ изложеннаго можно видѣть, что г. Буличъ въ своемъ изслѣдованіи не только даетъ совершенно новый матеріалъ по церковносл. языку на основаніи библейскаго текста, но также сопоставляетъ его со старой грамматической теоріей, главными представителями которой были Л. Зизаній и М. Смотрицкій, и ко всему этому присоединены необходимыя научныя объясненія. При обширности работы, обнимающей цѣлую фонетику и морфологію языка, вполнѣ естественно встрѣтить въ ней недосмотры и пробѣлы, которые однако не понижаютъ отмѣченыхъ уже достоинствъ труда. Надѣясь свои замѣчанія представить при другомъ болѣе подходящемъ случаѣ, я все же укажу здѣсь нѣсколько частностей. Напр., авторъ сверхъ новыхъ церковнославянскихъ формъ указываетъ и соотвѣтствующія имъ формы старославянскія. А такъ какъ въ основѣ современнаго церковнославянскаго лежитъ главнымъ образомъ старославянскій языкъ памятниковъ русской рецензіи, то авторъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти памятники уклоняются отъ паннонскихъ, выставляетъ кромѣ паннонской также форму старославянскихъ памятниковъ русской редакціи, что вполнѣ цѣлесообразно; такъ, для 3 ед. и мн. онъ указываетъ двоякое первичное окончаніе -тъ || -ть (стр. 314—315). Однако это онъ дѣлаетъ не всегда; ср. Предлож. ед. отъ основъ на -es-, гдѣ указано только окончаніе -е (стр. 179) и опущено тоже древнее окончаніе -и, встрѣчающееся напр. въ Остром. ев. Далѣе, были бы желательны указанія на время появленія первыхъ случаевъ тѣхъ новообразованій во флексіи, которыя затѣмъ болѣе или менѣе распространились въ языкѣ церковныхъ печатныхъ книгъ. Самъ авторъ говоритъ, что многія изъ новообразованій церковнославянскаго языка ведутъ свое начало издалека (стр. 163), а мѣстами онъ дѣлаетъ и хронологическія указанія (напр. на стр. 380, 385, 390), но все же слишкомъ мало; правда,—читатель легко можетъ получить такія указанія изъ существующихъ уже изслѣдованій по исторической грамматикѣ. Укажу и на то, что разъ авторъ даетъ цѣлый рядъ объясненій по поводу приводимыхъ имъ

фактовъ церковнославянскаго языка, то было бы желательно видѣть эти объясненія сгруппированными. Онъ могъ бы достигнуть этого даже безъ дополнительной статьи, присоединивши къ своей книгѣ предметный указатель. Впрочемъ авторъ этотъ пробѣлъ, равно какъ и другіе, съ удобствомъ можетъ пополнить при изданіи слѣдующаго тома своей монографіи, гдѣ ему снова придется коснуться многихъ изъ тѣхъ же вопросовъ. Что касается внѣшней стороны изданія (замѣчу— весьма корректнаго), то авторъ, представляя пока первую часть своихъ разысканій, сдѣлалъ бы лучше, если бы далъ настоящему тому два заглавія, какъ это часто бываетъ: одно— общее, т. е. то, какое и имѣетъ его книга, а другое—частное, которое точнѣе представляло бы содержаніе первой части.

Подведу теперь итогъ своему разбору. Во введеніи авторъ обсуждаемаго сочиненія показалъ умѣнье основательно и ясно излагать общіе вопросы языкознанія; въ главѣ первой онъ обнаружилъ тщательность въ изученіи исторіи вопроса; глава вторая, свидѣтельствующая, что авторъ владѣетъ методомъ языкознанія, представляетъ самостоятельное законченное изслѣдованіе (церковнаго печатнаго языка), основанное на обширномъ и самостоятельно собранномъ матеріалѣ. Въ виду всего этого я полагаю, что разсмотрѣнный мною трудъ даетъ автору право на полученіе искомой имъ степени магистра сравнительнаго языкознанія.

31 янв. 1894.

Орд. профессоръ **В. Богородицкій.**

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ Д. Бѣляевъ.

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1894 г.

28